
A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ИЗВѢСТІЯ О ЖИЗНИ ІОАННА ЕРИХА ТУНМАННА.

ИЗЪ ПОХВАЛЬНАГО СЛОВА ЭБЕРГАРДА.

А. Зиновьевъ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1828.

Печатать позволяется. Москва, 1828 года, Сентября 4 дня. *Цензоръ Майоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка.*

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Всѣ науки приносятъ двоякую пользу: вопервыхъ ту, которая заключается въ самомъ изученіи ихъ, для людей, поставившихъ себѣ цѣлію сіе изученіе; во вторыхъ науки приносятъ вещественную пользу, облегчая средства и удобности въ жизни. Не льзя однако требовать, чтобы каждая отдѣльная часть или отдѣльная истина науки приносила непосредственно того или другаго рода пользу. Нѣкоторыя правила извѣстныхъ наукъ служатъ основаніемъ другихъ, изъ коихъ выводятся заключенія, и наконецъ сіи послѣднія могутъ быть приспособлены къ усовершенствованію насъ самихъ или предметовъ, насъ окружающихъ. Отсюда происходятъ различныя системы и многія руководства одной и той же науки. Разсматривая внимательно Исторію, какъ науку; разсматривая ее, „*какъ ученое изложеніе достовѣрныхъ и достопамятныхъ произшествій, служившихъ къ образованію и измѣненію внѣшняго общественнаго состоянія человѣческаго рода, произшествій взаимно соединенныхъ, имѣвшихъ слѣдствіемъ особенное раз-*

витіе человѣчества въ великомъ и цѣломъ“ (*), можно считать ее занятіемъ людей, стремящихся къ высшему ученому образованію. По словамъ Карамзина, Исторія есть „*книга народовъ: главная необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.*“ — Сіе описаніе Исторіи ведетъ къ заключенію, какое и слѣдуетъ у нашего славнаго Исторіографа, что вопервыхъ тѣмъ людямъ наиболѣе полезна Исторія, кои поставлены дѣйствовать на поприщѣ обширномъ, и ежели не управлять судьбою народовъ, то покрайней мѣрѣ быть близкими къ кормилу правленія. Наставленія, какъ можетъ извлечь для себя изъ Исторіи человѣкъ частный, для своего тѣснаго круга, менѣе значительны. Не льзя ли дополнить сіи недостатки особеннымъ способомъ изложенія Исторіи? Безъ сомнѣнія возможно — по крайней мѣрѣ нѣкоторыя *производныя* историческія свѣденія удовлетворяютъ сей потребности въ полной мѣрѣ, и то суть *Біографіи*. Весьма благоразумно Прелатъ *Францъ*, въ Стуттгартѣ, жизнеописанія людей знамени-

(*) Изъ учебной книги Всемирной Исторіи, уже одобренной къ напечатанію.

тыхъ поставляетъ основаніемъ изученія Исторіи. Галлерея примѣчательныхъ лицъ, въ коей имѣлъ онъ цѣль живо представить съ нравственною цѣлію характеры, добродѣтель и порокъ, мудрость и глупость, лучше всего можетъ приготовить юношей къ Всемірной Исторіи. Въ Біографіи должно изображать жизнь одного человѣка. *Одно Individuum должно быть средоточіемъ Біографическаго представленія такъ, чтобы описаніе его жизни составляло ясный и полный образъ всего хода, развитія и усовершенствованія сего человѣка и всей гражданской его дѣятельности. Сей образъ долженъ раскрыть также его собственное вліяніе на непосредственный кругъ его современниковъ. Разумѣется, что Біографъ не есть защитникъ или противникъ описуемаго лица; онъ долженъ быть совершенно безпристрастенъ, цѣнить выше всего правду. При томъ долженъ онъ представить свойственное сему лицу образованіе и родъ его дѣятельности, дабы всю жизнь его объять, какъ совокупное цѣлое. При нарушеніи сихъ условій мы получаемъ или сухой разсказъ о жизни человѣка, или напыщенное похвальное слово* (панигирикъ). Прибавимъ къ тому изображеніе характеристики, которая впрочемъ отдѣляется отъ

Біографіи. *Характеристика существенно состоитъ въ томъ, что, при изображеніи лица, останавливается на какой нибудь принятой психологической точкѣ зрѣнія, которую означаетъ въ предисловіи и съ коей раскрываетъ всю картину жизни человѣка. Она не перемѣняетъ и не преобразуетъ вновь произшествій по сей идеѣ, но поступаетъ* Теологически. *Вся практическая жизнь лица служитъ ей къ тому, чтобы осуществить какую-либо высшую истину, или общее положеніе.* — Съ такими правилами начертанныя біографіи людей, кои, по своей общественной дѣятельности, хотя не имѣютъ мѣста во всемирной Исторіи, но которые своими дарованіями и заслугами дѣйствовали на свой кругъ, могутъ быть чрезвычайно полезны. Къ несчастію на то не обращаютъ должнаго вниманія. Извѣстія, печатаемыя о жизни многихъ извѣстныхъ лицъ составляютъ у насъ, съ немногими исключеніями, не біографіи, а послужные списки. Такой же участи подвержены и многіе Русскіе ученые отъ своихъ собратій. Почему мы, пользуясь сочиненіями Автора знаменитаго, теряемъ другую пользу важную, которую могли бы получить изъ его біографіи, назидательно изложенной.

Представляю на благосклонное вниманіе просвѣщенныхъ читателей жизнь Тунманна, оказавшаго важныя услуги Исторіи, преимущественно Русской, и между тѣмъ едва незабытаго. Вмѣстѣ съ симъ представляю картину жизни человѣка, коего прекрасныя свойства души и сердца и обширное умственное образованіе заслуживаютъ удивленіе. Я желалъ быть признательнымъ къ памяти добродѣтельнаго, ученаго Тунманна, и желалъ раздѣлить свое воспоминаніе. — При общемъ стремленіи молодыхъ Русскихъ трудиться на поприщѣ Словесности и Исторіи отечественной, воспоминаніе сіе не лишнее. Всѣмъ извѣстно, какихъ трудовъ стóитъ сдѣлаться хорошимъ литтераторомъ; сугубый трудъ, сугубая ученость потребны для критика — историка. Раннее желаніе наслаждаться спокойною и какъ бы обеспеченною жизнію, желаніе достигнуть легко пріобрѣтаемой извѣстности, заставляетъ гоняться за мнимою славою. Отъ того нѣкоторые во многихъ родахъ показываютъ, при хорошихъ дарованіяхъ, недостаточное ученіе, и рано остановившись, не идутъ далѣе. Наблюдающіе безпристрастно: кто наши аристархи, кто наши судіи? замѣтятъ, что скороспѣлые публицисты ошибаются въ своихъ расчетахъ. —

Жизнь Тунманна.

Іоанъ Ерихъ Тунманнъ родился 23го Авг. 1746 г., въ часъ по полудни, въ Торесундѣ, въ Шведской провинціи Зедерманландіи. Онъ былъ близнецъ единственному своему брату, который его пережилъ. По своему скудному состоянію, честный отецъ его не имѣлъ надежды способствовать къ блистательному счастію сына, или къ болѣе рачительному образованію ума его. Онъ былъ тамошній проповѣдникъ, доходы имѣлъ незначительные, а семейство вскорѣ возрасло до 12 человѣкъ дѣтей. Между тѣмъ добродѣтельный отецъ, по мѣрѣ знаній своихъ и состоянія, не упускалъ стараться со всею родительскою заботливостію о воспитаніи сына. Но онъ умеръ, когда юному Тунманну было не болѣе 11 лѣтъ, и оставилъ многочисленное семейство безъ призрѣнія и имущества. Осиротѣлый сынъ долженствовалъ прибѣгнуть къ тѣмъ средствамъ, которыми обыкновенно вспомоществуютъ въ Швеціи бѣдныхъ дѣтей и юношей съ дарованіями. Приходъ ихъ назначаетъ имъ денежное пособіе, которое однако должны они сами выпрашивать отъ каждаго дома. Такое заведеніе принуждало юнаго Тунманна часто въ жестокую зиму хо-

дить пѣшкомъ по нѣскольку дней сряду. После многотруднаго дня, находилъ онъ въ крестьянской хижинѣ въ объятіяхъ гостепріимства подкрѣпленіе за сельскою трапезою, и отдохновеніе на опрятномъ ложѣ, которыя голодъ и утомленіе дѣлали для него пріятными. Здѣсь учился онъ познавать благотворительность въ ея достойнѣйшемъ видѣ, когда она проистекаетъ не отъ случайнаго излишества, но пріобрѣтается собственными трудами; онъ учился познавать добродѣтели того класса людей, который составляетъ основную часть Государствъ, важнѣйшій въ Швеціи, и почтенъ всѣми мудрыми законодателями.

Всѣ сіи подробности слышалъ я изъ устъ покойнаго, и любезная скромность, съ которою изъяснялся онъ при такихъ обстоятельствахъ своей безпомощной юности, рано заставили меня уважать его сердце. Я бы оскорбилъ прахъ Тунманна, если бы могъ до того унизиться, чтобы риторскимъ оборотомъ прейти напоминаніе о его почтенной бѣдности. Онъ самъ не затруднялся говорить о своихъ тѣсныхъ обстоятельствавъ, даже передъ людьми, коихъ сердце не одинаково съ нимъ чувствовало. Надлежитъ достоинствами и силою духа удерживать обыкновенныхъ

людей въ почтеніи, когда, не опасаясь ихъ презрѣнія, благородный человѣкъ дѣлаетъ подобное признаніе.

При такихъ обстоятельствахъ, ничего особеннаго не могло быть сдѣлано для его воспитанія. Ему надлежало довольствоваться обыкновеннымъ общественнымъ школьнымъ ученіемъ. Тамошнія занятія, если бы онѣ и болѣе были сообразны съ цѣлію, при его прилѣжаніи и быстромъ умѣ, скоро для него сдѣлались недостаточны. Время, свободное отъ Букваря и Грамматики, коими мучили его память, посвящалъ онъ чтенію историческихъ сочиненій, сколько находилось ихъ въ его маленькомъ кругу. Сіи послѣднія состояли изъ вздорныхъ собраній, подъ названіемъ хроникъ, сказокъ и рыцарскихъ повѣстей, составлявшихъ вечернее чтеніе земледѣльца, и которыя тѣмъ болѣе его восхищали, чѣмъ сильнѣе чрезъ свои волшебныя описанія возбуждали ужасъ и изумленіе. Между сими Тунманнъ вспоминалъ о какомъ то стихотворномъ *историческомъ зеркалѣ*, коего жалкіе стихи и тогда уже производили въ немъ отвращеніе. Но ему надлежало побѣждать досаду свою, ежели хотѣлъ онъ наслаждаться удовольствіемъ читать дурныя историческія примѣчанія, коими оно снабжено было.

Около сего времени мать его посѣтилъ двоюродный братъ, бывшій тогда Шведскимъ Консуломъ въ Смирнѣ. Разсказы сего человѣка о естественныхъ произведеніяхъ, жителяхъ, нравахъ и другихъ примѣчательностяхъ Греціи и Малой Азіи, дѣлали на воображеніе Тунманна живѣйшее впечатлѣніе. Съ глубокимъ вниманіемъ и живымъ участіемъ, сидѣлъ онъ въ сѣверные зимніе вечера у ногъ повѣствователя и не терялъ ни однаго слова изъ чудесныхъ разсказовъ и описаній объ отдаленныхъ странахъ, о которыхъ впервые слышалъ. Скромность, страсть къ ученію и искры генія, являвшіяся изъ его вопросовъ и замѣчаній, приобрѣли ему сердце его дяди. Онъ рѣшился составить счастіе своего племянника, взять его въ Левантъ своимъ повѣреннымъ въ качествѣ Секретаря. Открывъ юному Тунманну сіе предположеніе, онъ совѣтовалъ ему заняться прилѣжно языкомъ Арабскимъ. Сіи неожиданные виды привели въ восторгъ молодаго человѣка. Со всею ревностію посвятилъ онъ себя Арабскому языку, и, одушевляемый надеждою, трудился съ великимъ постоянствомъ.

Столь утѣшительное предположеніе не исполнилось. Консулъ изъ Смирны переведенъ былъ въ Кадиксъ, а юному Тунманну оста-

лась одна только выгода — знаніемъ новаго языка болѣе приспособить себя для историческихъ изысканій.

Вскорѣ послѣ того перешелъ онъ въ Гимназію въ Стрегнесъ. Въ то время школа сія преимущественно предъ другими отличалась. Тамъ сдѣлалъ онъ значительные успѣхи въ Латинскомъ и Греческомъ языкахъ, но особливо въ Исторіи, къ которой вкусъ его теперь рѣшительно расположился. Кромѣ частнаго учителя, руководствовалъ его въ занятіяхъ тогдашній достопочтенный начальникъ и Лекторъ Стрегнесской Гимназіи, *Баркманнъ*. Воспоминаніе о семъ человѣкѣ оставалось всегда священнымъ долгомъ благодарнаго сердца Тунманна. При всякомъ возможномъ обстоятельствѣ, онъ не упускалъ случая говорить о заслугахъ сего достопочтеннаго мужа, о его умѣ, учености, добротѣ и снисходительности, о томъ, сколько онъ обязанъ сему наставнику, который первоначально поселилъ въ немъ вкусъ къ ученію и порядокъ въ занятіяхъ. Проницательный и наблюдательный умъ сего достойнаго начальника первый открылъ въ Тунманнѣ тлѣющіяся искры историческаго генія, еще непримѣтнаго для людей обыкновенныхъ, и по

добротѣ своей старался воспламенять оныя всѣми средствами одобренія.

Трудъ сего честнаго мужа награжденъ такъ, какъ люди сего рода желать могутъ. Онъ успѣлъ любимца своего, вмѣстѣ съ другимъ, по имени Вестербергомъ, рекомендовать выгодно Стрегнесской Консисторіи, пособіями которой Тунманнъ могъ теперь вступить въ Упсальскій Университетъ. Въ то же самое время покойный другъ мой самъ давалъ уроки, и выгодами, отъ того получаемыми, помогалъ своей матери. Тогда благодарное его сердце приносило жертву дѣтской любви, которая конечно дорого стоила его любознанію. И въ этомъ юномъ возрастѣ благородная душа его обратила въ привычку жертвовать похвальнымъ потребностямъ и высшему долгу. Однако при всѣхъ сихъ препятствіяхъ пламенный его геній опережалъ счастливѣйшихъ товарищей.

Въ Упсалѣ ему надлежало учиться Богословію. Такое назначеніе имѣло ту единственную цѣль, что съ сею наукою надѣялся онъ съ меньшею утратою пройти свое академическое поприще и легче вступить въ должность, которая бы ему доставляла необходимое. Но Тунманнъ уже не считалъ наукъ только нужными средствами; юный геній на-

ходилъ въ нихъ выгоды и твердая душа его смѣло отважилась слѣдовать склонности, не представлявшей ему никакихъ видовъ на временное счастіе. Къ тому же просвѣщенный умъ его усмотрѣлъ недостатки тогдашняго богословскаго ученія. Это были сильнѣйшія выраженія, кои кроткая душа его позволяла въ кругу лучшихъ друзей, противу прежняго угнетенія разсудка въ богословскихъ школахъ.

Сія жертва, принесенная имъ своей склонности къ наукамъ, привязала его къ нимъ крѣпчайшими узами, и какъ теперь онъ самъ нѣкоторымъ образомъ принялъ на себя попеченіе о будущемъ своемъ счастіи, то ему оставалось оказать такія заслуги, кои сами по себѣ могли быть замѣчены и уважены. Послѣ сего союза души его съ любимѣйшими упражненіями, заключился онъ въ Упсальской библіотекѣ, дабы безпрепятственно пользоваться ея историческими и литтературными сокровищами. Въ особенности посвятилъ онъ себя Греческой словесности, читалъ не однихъ Греческихъ дѣеписателей, но и стихотворцевъ. При семъ также надлежало ему побѣждать многоразличныя трудности. Фробеновы изданія, единственныя, которыя онъ нашелъ тамъ, имѣли

много сокращеній, сначала не безъ труда разбираемыхъ; при нихъ не было никакого перевода для пособія скорѣйшему чтенію. Обращеніе къ словарямъ такъ часто прерывало его, что онъ не могъ замѣтить красоты Автора и предметовъ въ немъ содержащихся; почему надлежало ему напередъ сдѣлать Латинскій переводъ, съ помощію котораго еще разъ перечитывать писателя. Изъ Греческихъ Авторовъ, такимъ образомъ имъ переведенныхъ, называлъ онъ мнѣ въ особенности *Еврипида*.

Съ неутомимымъ прилѣжаніемъ къ изученію древнихъ языковъ соединялъ онъ страсть къ изученію языковъ новыхъ и Исторіи. Трудами своими онъ достигъ того совершенства, съ которымъ въ послѣдствіи говорилъ и писалъ по Французски; между его бумагами найдены алфавитные историческіе реестры Итальянскихъ и Англійскихъ писателей, съ извлеченіями изъ произведеній ихъ и съ присовокупленіемъ Шведскаго перевода мѣстъ образцовыхъ (1). Къ сему же времени вѣроятно принадлежатъ его труды надъ *Готескою исторіею Гуг. Гроція*. Шведскій переводъ оной находится въ библіотекѣ моего друга. Широкія поля исписаны примѣчаніями и поправками на Шведскомъ языкѣ.

Не прошу извиненія, распространяясь о обстоятельствахъ, по видимому столь маловажныхъ; желалъ бы еще болѣе узнать ихъ, дабы доставить себѣ печальное, но сладостное воспоминаніе о такихъ памятникахъ юношескаго прилѣжанія моего усопшаго друга, и читателямъ моимъ открыть поучительное зрѣлище: въ неважныхъ случаяхъ видѣть образованіе ума и сердца превосходнаго человѣка.

Для вѣрнаго исполненія обязанностей точнаго историка, долженъ я здѣсь упомянуть, что совсѣмъ не имѣю извѣстій о причинѣ и времени переѣзда его въ Германію. Въ послѣдніе дни Тунманна никогда не смѣлъ я любопытствовать объ обстоятельствахъ его жизни; что же слышано мною отъ него случайно, при изліяніи сердца въ дружескихъ разговорахъ, то хочу я здѣсь представить, и думаю, что это не будетъ незанимательно.

Первымъ мѣстопребываніемъ его въ Германіи было Герцогство Мекленбургъ. Здѣсь жилъ онъ въ деревнѣ домашнимъ учителемъ при одномъ благородномъ семействѣ. Мѣстоположеніе деревни было превосходно. Пріятнѣйшее разнообразіе холмовъ и долинъ, озеръ и рощей, придавали ей нѣчто романтическое,

располагавшее кроткое сердце Тунманна къ частымъ уединеннымъ прогулкамъ. Время тамъ проведенное, по его словамъ, проведено имъ въ тихой мечтательности Петрарки. Читая пѣвца *Лауры*, историка *Юліи* и *Клариссы Гарловъ*, садился онъ подъ тѣнію густой рощи у небольшаго ручья и предавался сладкимъ ощущеніямъ до слезъ блаженства. Ежели сіи уединенныя бесѣды придавали сердцу его чувствительности, которая часто его однаго, а не другихъ дѣлала несчастнымъ, то не вредили онѣ ему въ исполненіи его должности, въ его историческихъ изысканіяхъ и тогда уже глубокомысленныхъ, — ни вѣрность яснаго ума его, ни чистота сердца, ни дѣятельность въ занятіяхъ ни мало отъ того не терпѣли. Скорѣе могли онѣ умножить вѣрность и живость его нравственнаго чувства, занимательность образованія лица, нѣжность образа мыслей и нравовъ, и приятность въ обращеніи.

Доселѣ Тунманнъ не представилъ еще никакого общественнаго доказательства своей исторической учености. Первое, сдѣлавшее его извѣстнымъ, состояло въ *объясненіи происхожденія Виллунговъ* (de origine Billungorum), за которое онъ получилъ степень Магистра въ Грейфсвалдѣ 1769 года. Онъ

тогда уже имѣлъ намѣреніе посвятить себя академическому преподаванію; и знатоки судили, что онъ бы со славою въ ономъ отличился. Ученость его въ особенности приобрѣла ему дружбу и уваженіе достойнаго Профессора *Мёллера* въ Грейфсвалдѣ. Естественно, что два человѣка любили отдавать справедливость другъ другу, имѣя столько причинъ ко взаимному уваженію своихъ заслугъ по одной и той же наукѣ; и сія взаимность дружбы сохранилась до конца въ Тунманнѣ.

Между тѣмъ счастіе казалось далеко отъ него было въ Грейфсвалдѣ, вопреки нашимъ предположеніямъ о его состояніи. Мы лишены были Тунманна. Онъ принялъ на себя надзираніе за воспитаніемъ сына господина *Арнима* въ Суковѣ. Добродѣтели и пламенная ревность сего мужа ко всякому благотворенію содѣлали имя его достопочтеннымъ для всѣхъ друзей человѣчества. Пребываніе Тунманна въ жилищѣ сего благороднаго семейства принесло ему сугубую пользу: тамъ имѣлъ онъ счастіе найти значительную библіотеку и отборное общество.

Его занимательная физіогномія, на которой выражались умъ просвѣщенный и ду-

ша чувствительная, привлекала благородныхъ обоего пола посѣтителей, желавшихъ видѣть спокойное убѣжище мудраго и ученаго. Каждый вскорѣ отличалъ его, за удовольствіе ставилъ предупреждать Тунманна и бесѣдовать съ нимъ о шуточныхъ или важныхъ предметахъ. Его съ довѣренностію называли именемъ любезнаго Шведа, съ нимъ говорили о любезномъ ему отечествѣ, и его отвѣты на такое благорасположеніе, примѣчательности имъ разсказываемыя, его правильный одушевленный способъ выраженія, даже слабое произношеніе въ языкахъ Нѣмецкомъ и Французскомъ, дѣлали бесѣду его приятною и утверждали на долго доброе минутное впечатлѣніе, имъ производимое. При воспоминаніи о жительствѣ въ Суковѣ, покойный другъ мой, по обыкновенію, и въ послѣдніе дни жизни всегда находилъ удовольствіе останавливаться на томъ, сколько онъ обязанъ былъ добрымъ людямъ. Скромность его приписывала сіе симпатическое влеченіе сердецъ, читавшихъ на лицѣ его ясный умъ и добрую душу, участію, коимъ пользуются вообще всѣ иностранцы, единственно потому, что они иностранцы.

Между счастливѣйшими обстоятельствами пребыванія своего въ Суковѣ всегда счи-

талъ онъ благорасположеніе супруги Гна Ф. Арнима. Никогда не говорилъ онъ о сей благородной женщинѣ безъ чувствъ искреннѣйшаго почтенія. Она всегда была для него идеаломъ женской добродѣтели. — Съ тонкою проницательностію вскорѣ усмотрѣла она всѣ достоинства сердца его, вскорѣ оцѣнила оное, замѣтила, чего недоставало ему для довершенія его добродѣтели и спокойствія. Съ величайшею нѣжностію, коей научаетъ симпатія душъ, подобно ей чувствительныхъ, обратила она его вниманіе на то, что ея испытанная добродѣтель желала еще сказать ему, — и Тунманнъ все понялъ. Такимъ образомъ желаніе поддержать ея доброе о себѣ мнѣніе было для него сильнѣйшимъ побужденіемъ не отступать отъ справедливости въ самыхъ малѣйшихъ случаяхъ; быть ею замѣченнымъ, считалъ онъ величайшимъ честолюбіемъ; получить одинъ одобрительный взоръ, величайшею славою.

Наконецъ Университетъ нашъ имѣлъ счастіе принять его, всѣми сими дарами сердца и ума украшеннаго. Еще не распространилась о немъ слава, предшествующая вступленію Германскихъ ученыхъ въ должность академическихъ преподавателей, имя

его не повторялось въ устахъ ученыхъ; но его уже отличилъ ревностный изыскатель и просвѣщенный судія даже незамѣчательныхъ заслугъ, *Фрейгерръ Зедлитцъ*; онъ старался перезвать его въ Галле, и сею неожиданною наградою достоинствъ моего незабвеннаго друга предупредилъ, какъ то бываетъ часто, громкія одобренія удивленной ученой Германіи (2), 1772 Года Тунманнъ вступилъ на мѣсто покойнаго Клотца Профессоромъ Краснорѣчія и Философіи въ Галле. Тѣ, кои, можетъ быть, при назначеніи его въ первый разъ услышали имя Тунманна, скоро приступили ко мнѣнію Министра-патріота. Опыты его вѣрнаго, очищеннаго и просвѣщеннаго вкуса, вскорѣ одинъ за другимъ слѣдовавшіе (3), явили въ немъ человѣка, рожденнаго не только для преподаванія извѣстнаго въ Исторіи, но и для распространенія предѣловъ ея въ области, покрытой мракомъ неизвѣстности.

Не прежде 1772 года вышли въ свѣтъ его *Изысканія о началѣ и древнѣйшей Исторіи Сѣверныхъ народовъ*. Сіе объясненіе темнѣйшей части Исторіи человѣческаго рода, которое сдѣлало бы честь человѣку, посѣдѣвшему въ историческихъ изысканіяхъ, было произ-

веденіемъ юнаго ученаго 26 лѣтъ, открывавшаго тѣмъ свое поприще въ ученомъ свѣтѣ. (4)

Для Историка и Естествоиспытателя равны условія: что въ природѣ *первое*, то въ человѣческомъ познаніи есть *послѣднее*. И тотъ и другой отъ явленій, ихъ окружающихъ, должны постепенно восходить къ первобытнымъ *веществамъ*, изъ коихъ образовались предметы, ими зримые. Преслѣдовать сіи явленія въ безконечныхъ и многоразличныхъ смѣшеніяхъ; отдѣлять то, что по непримѣтнымъ законамъ и неизвѣстнымъ событіямъ соединилось въ одно необычайное явленіе; пользоваться каждымъ знакомъ, отличительнымъ въ природѣ или въ Исторіи; предвидѣть обильныя послѣдствія; справедливо измѣрять и точно опредѣлять вѣрность своихъ заключеній, останавливаться не прежде, какъ умолкаетъ голосъ природы и Исторіи, и то принимать первымъ, что должно быть таковымъ для ума человѣческаго, — вотъ трудныя обязанности, обоимъ предлежащія.

Недавно еще историческіе изыскатели столь далеко простерли свои изслѣдованія. Прежде, какъ говоритъ Плутархъ, довольствовались они (по примѣру Географовъ, представлявшихъ страны, лежащія за предѣлами

извѣстнаго міра; состоящими изъ болотъ, необитаемыхъ, песчаныхъ степей и безбрежныхъ морей) времена неизвѣстной Исторіи наполнять баснями и сказками. Ежели сіи неизвѣстныя страны Исторіи теперь начинаютъ объясняться, населяться и воздѣлываться; то открытіемъ многаго обитаемаго обязаны мы трудолюбію и остроумію Тунманна.

Какъ извинительно, преодолѣвая трудности, встрѣчающіяся изыскателю на каждомъ шагу въ мрачной области древней Исторіи, сдѣлать шагъ ошибочный; какъ легко самому ревностному честолюбцу сознаться въ своей ошибкѣ на семъ поприщѣ; какъ для него должна быть пріятна каждая поправка, удавшаяся счастливому изысканію достойнаго совмѣстника! Но человѣческая слабость хочетъ и тамъ единовластія, гдѣ только соединенныя силы многихъ могутъ произвести что либо сносное, — хочетъ и тамъ быть непогрѣшительна, гдѣ, по мнѣнію мыслящихъ, можно только заблуждаться, и заблуждаться со славою.

Тунманнъ совершенно сознался въ неудачѣ многихъ предположеній на поприщѣ трудовъ своихъ, и это дѣлаетъ честь уму его. Высшая степень достовѣрности, по его мнѣнію, лег-

ко уничтожается чрезъ случайное открытіе какого либо признака, незамѣченнаго прежде внимательнымъ наблюдателемъ. Потому всегда онъ былъ готовъ учиться отъ другихъ, и, при новомъ открытіи, перемѣнить свое мнѣніе. Въ семъ преимуществѣ надъ собою не отказалъ онъ и тѣмъ, кои не слишкомъ великодушно научали его, и даже тѣмъ, кои съ нимъ несправедливо поступали. Онъ умѣлъ цѣнить самъ себя, и чувствовалъ, что неблагородно и малодушно ученому мужу не признавать ошибокъ въ своихъ сочиненіяхъ; онъ чувствовалъ, что человѣку, впадшему въ заблужденіе, остаются заслуги; ему не должно бояться обличенія.

Доказательства столь искренняго желанія научиться свѣтъ узналъ бы отъ самаго Тунманна, если бы онъ жилъ долѣе. Еще не задолго до смерти своей говорилъ онъ, что ему хотѣлось издать въ свѣтъ нѣчто о нѣкоторыхъ спорныхъ пунктахъ съ Шлецеромъ. Онъ чистосердечно хотѣлъ показать, въ какихъ случаяхъ самъ заблуждался, и тѣ, въ коихъ онъ былъ справедливъ, подкрѣпить новыми доказательствами. Сіе обѣщаніе было уже публично объявлено. „Я хочу, пишетъ онъ, (5) показать и исправить въ ономъ (въ обѣщанномъ сочиненіи) дѣйствительныя ошибки,

въ моихъ изысканіяхъ: сіе считаю я долгомъ каждаго честнаго человѣка, ибо заблужденія такъ многоплодны. Въ письмѣ къ Гну Др, Гильденстедту, коего добротою и заслугами для Географіи земель, примѣчательныхъ по переселенію восточныхъ народовъ, не могъ довольно нахвалиться, признавался онъ въ грубой ошибкѣ, принимая за одинъ народъ *Хазаровъ* и *Сираковъ* (6).

Съ такимъ образомъ мыслей должно было ему казаться страннымъ, что ученый, свѣдѣнія коего столь высоко цѣнилъ Тунманнъ, оскорбился его изысканіемъ *о древней Исторіи нѣкоторыхъ сѣверныхъ народовъ*, дополнившимъ и исправившимъ Всеобщую Сѣверную Исторію. Не считаю умѣстнымъ и не принимаю на себя рѣшить, кто изъ сихъ столь ученыхъ изыскателей ближе подходилъ къ истинѣ. Но для чести покойнаго важно упомянуть о его благородномъ поведеніи въ семъ ученомъ спорѣ. „Я не сожалѣю о похвалѣ своей, писалъ онъ о своемъ противникѣ, всегда буду высоко цѣнить достоинства, гдѣ ихъ найду. Несправедливость другаго не должна меня доводить до несправедливости. Для меня ничего не стоитъ простить ее Автору. Могу сдѣлать еще болѣе — повторить то, что прежде сказалъ я въ моей книгѣ:

сказалъ ли я что либо грубое, то первый самъ того не одобряю и прошу о прощеніи, ежели кто симъ могъ оскорбиться (и оскорбился), ибо я никогда не имѣлъ намѣренія обижать. Еще болѣе — моему обвинителю могу я предложить свою дружбу. Часто недостаетъ у меня возможности и случая быть полезнымъ и пріятнымъ друзьямъ своимъ; но никогда недоставало у меня къ тому воли. И такъ моя дружба не заслуживаетъ презрѣнія. Сверхъ того Гнъ сочинитель и я имѣемъ однѣ общія занятія; я также какъ и онъ провелъ долгія сѣверныя ночи надъ сѣверною Исторіей. — Но за чѣмъ говорить о самомъ себѣ? Ежели поступки мои не убѣждаютъ сочинителя, то не льзя ожидать сего отъ словъ моихъ."

Здѣсь не нужно безпристрастнаго судьи для утонченныхъ изысканій сѣверной древности; нужно безпристрастнаго судію для рѣшенія того, что добро и истинно, дабы отдать справедливость чувствованіямъ Тунманна. Здѣсь очевидно, что болѣе славы вести преніе съ такимъ образомъ мыслей, нежели одержать самую побѣду.

Таковыя чувствованія наполняли сердце Тунманна, и они были подкрѣпляемы его точными свѣдѣніями въ области древ-

ней Исторіи народовъ. Онъ хорошо зналъ, сколь далеко возможно и сколь полезно изслѣдованіе о первобытныхъ племенахъ, и какъ въ изысканіяхъ своихъ всегда представлялъ онъ себѣ благородную цѣль: то на поприщѣ, выходившемъ за предѣлы сей цѣли, онъ шелъ осторожнымъ и боязливымъ шагомъ. Извѣстно, сколь неопредѣленно ученое остроуміе и умничанье блуждали тогда въ сей мрачной области Исторіи; сколь часто пособляло оно склонности начинать родословіе человѣчества однимъ народомъ или однимъ прародителемъ, что опровергается только зрѣлымъ и опытнымъ разумомъ. Сія ученая игра старыхъ и новыхъ *Беккановъ* и *Рукбекковъ*, можетъ быть, не столько трудна, каковою кажется. Чѣмъ менѣе кто упражняется въ историческихъ изысканіяхъ, тѣмъ болѣе представляются виды увѣковѣчить любимый народъ, отвергаемые разсудкомъ зрѣлымъ и просвѣщеннымъ.

Величайшая польза таковыхъ изслѣдованій состояла въ томъ только, что обширная ученость, въ семъ случаѣ считавшаяся потребною, возбуждала удивленіе читателей. Еще мало умѣли сдѣлать оныя занимательными для собственныхъ историческихъ изыскателей посредствомъ примѣчаній, опредѣляющихъ и объясняющихъ Исторію человѣче-

ства, происхожденіе и распространеніе языковъ, письма, искусствъ и наукъ, степень въ развитіи разума, склонностей, нравственныхъ понятій человѣка и степень зависящаго отъ сихъ обстоятельствъ счастія и страданія. — Занимательность столь сухой науки, какова древнѣйшая Исторія народовъ, придана была ей дарованіями *Робертсона*, *Гоме*, *Стуарта*, *Монтескё*, *Гоге* (Hoguet), *Сума*, *Лагербринка*, *Шенинга*, *Ире* и другихъ ученыхъ иностранцовъ, къ коимъ можно причислить ученыхъ Нѣмцевъ: *Изелина*, *Шлецера*, *Тунманна* и др.

Доказательства, что Тунманнъ съ такимъ же духомъ дѣлалъ изслѣдованія въ древнѣйшихъ памятникахъ народовъ, весьма часты въ его сочиненіяхъ. Самыя правила, по коимъ ограничивалъ онъ область историческаго изысканія, достаточно показываютъ, что онъ свои тончайшія изслѣдованія направлялъ къ философской цѣли человѣкопознанія. Первымъ правиломъ его было: „когда мы встрѣ„чаемъ въ Исторіи показанія и слѣды, гдѣ на„ходилось первое извѣстное жилище народа;“ второе: „когда чрезъ Исторію и познаніе „языка мы открываемъ, къ какому онъ от„дѣльному племени принадлежитъ, или изъ „какихъ различныхъ племенъ составился, тог-

„да мы нашли его первобытное жилище и „происхожденіе.»

Какъ важна была его цѣль, такъ опредѣленно было направленіе его изслѣдованій. Ежели составленіе самаго плана дѣлаетъ честь его философскому разсудку; то исполненіе онаго не менѣе славно для его учености.

Средства, къ тому имъ употребленныя, были историческіе писатели и языки. Ужасается воображеніе предъ множествомъ и разнообразіемъ источниковъ, изъ коихъ ему надлежало почерпать, и коими онъ дѣйствительно воспользовался.

Часто извѣстіе, имя или времесчисленіе зарыто въ огромныхъ томахъ, гдѣ должно найти его. Величайшіе поэты и самые безталантные стихослагатели, основательные философы и мечтатели, безтолковые и благоразумные собиратели, все, гдѣ только начало его Исторіи можетъ скрываться, должно подлежать изысканію критика. Ему не должно бояться затрудненія разсматривать скучныя монастырскія хроники, легенды, и пр. — и Тунманнъ никогда сего не боялся.

Онъ владѣлъ необыкновенными свѣдѣніями въ языкахъ, составляющихъ другой источникъ

Исторіи. Кромѣ языка отечественнаго, съ нимъ сродственныхъ и современныхъ Европейскихъ, Нѣмецкаго, Французскаго, Итальянскаго, Англійскаго, Испанскаго, кромѣ ученыхъ языковъ, Латинскаго, древне и ново-Греческаго, извѣстныхъ ему критически въ малѣйшихъ красотахъ и идіотизмахъ, кромѣ восточныхъ, Еврейскаго, Сирійскаго и Арабскаго, на коихъ читалъ онъ Коранъ, онъ зналъ такъ совершенно мертвые сѣверные и сѣверовосточные Европейскіе языки, какъ только изъ книгъ имъ научиться можно (7).

Трудно, чтобы кто либо кромѣ Тунманна счастливѣе и старательнѣе воспользовался сими рѣдкими сокровищами грамматической учености. Онъ, утвердительно можно сказать, возстановилъ права Этимологіи въ Исторіи, столь давно и весьма несправедливо въ ней забытыя.

Разсужденія Тунманна о Исторіи и нравахъ народовъ по ихъ языкамъ, заманчивымъ способомъ его разсматриванія, получили важность и для философовъ. Справедливо назвали остроумнымъ и занимательнымъ его заключеніе, что народъ отъ того народа научился своимъ искусствамъ, чьею техническою терминологіею онъ пользуется; сіе распространили потомъ на потребности роскоши,

также на первые основные предметы оной, съ коими люди переходятъ изъ дикаго состоянія въ образованное; на искусственное приготовленіе грубыхъ съѣстныхъ припасовъ — и сіе замѣчаніе имѣло поводомъ и подтвержденіемъ Англійскій языкъ, въ коемъ искуственно приготовляемое мясо животныхъ первоначально называлось по Французски, хотя названія самыхъ животныхъ Англійскія.

Столь же полезное замѣчаніе сдѣлано Тунманномъ при *Шведахъ* и *Финнахъ*. Это знакъ, говорилъ онъ, что одинъ народъ былъ покоренъ и порабощенъ другимъ, когда въ языкѣ однаго есть заимствованныя изъ другаго слова неблагородныя, принадлежащія къ низкимъ занятіямъ жизни и находящіяся въ устахъ черни, ругательныя названія и все, что образованною частію націи считается за неприличное и постыдное. Таковый случай, присовокуплялъ онъ, въ языкахъ Шведовъ и Финновъ (8); неблагородныя слова первыхъ заимствованы отъ послѣднихъ, и слѣдовательно Финны порабощены были Шведами. Сіе примѣчаніе кажется мнѣ столько правильнымъ и, по слѣдствіямъ, важнымъ, что я осмѣливаюсь назвать оное основнымъ правиломъ для историческихъ изысканій.

Прехожу столь многія другія замѣчанія о первобытныхъ именахъ народовъ, кои являются общими названіями; чрезъ что подтверждается наблюденіе Философовъ о ходѣ ума человѣческаго въ младенческомъ возрастѣ, при образованіи языковъ. Я преступилъ бы предѣлы сего похвальнаго Слова, если бы вздумалъ привести всѣ новыя открытія, поправки и объясненія, коими Тунманнъ распространилъ свою науку.

Тотъ же испытательный духъ и зрѣлое разсужденіе, съ коими объяснялъ онъ въ своихъ изысканіяхъ для Исторіи сѣверныхъ и восточныхъ Европейскихъ народовъ, Древности и Исторію переселенія *Славянъ*, происхожденіе *Влаховъ* и *Албанцовъ* и т. д., руководствовали Тунманна въ открытіи важнаго народнаго племени *Комановъ*, укрывавшагося отъ внимательности историческихъ изыскателей, и дополнившаго столь значительную пустоту въ цѣпи странствованія народовъ. Сіе открытіе сообщилъ онъ свѣту въ разсужденіи, удостоенномъ въ 1774 награды. Трудъ покойнаго не имѣлъ нужды въ семъ почетномъ отличіи, для обращенія на себя вниманія знатоковъ, и я не упомянулъ бы объ ономъ, если бы друзьямъ Тунманна не было столь пріятно,

судіямъ его столь достославно, и всѣмъ любителямъ науки столь ободрительно видѣть необыкновенныя заслуги его увѣнчанными всякаго рода знаками уваженія.

Далекій отъ успокоенія подъ сими лаврами, Тунманнъ съ большею неутомимостію старался обогатить новыми разсужденіями Исторію и Географію. Послѣдній плодъ его ревности составляетъ описаніе Крымскихъ Государствъ въ Бюшинговой Географіи, служащее украшеніемъ сему превосходному произведенію.

Кажется, что сіе Географическое описаніе довело его къ точнѣйшимъ изысканіямъ въ Исторіи сихъ Государствъ, которую, вмѣстѣ съ Исторіею Черкассовъ, можетъ быть, предназначилъ онъ для второй части изслѣдованій Исторіи восточныхъ Европейскихъ народовъ. Смерть его прервала сіе занятіе, и сожалѣнія достойно, что доселѣ найдены только немногіе разсѣянные листы онаго. Разсказъ въ сихъ опытахъ, сколько судить можно по остаткамъ, отличается такою точностію, силою, достоинствомъ и великимъ соображеніемъ, каковыя по сю пору не слишкомъ обыкновенны въ Нѣмецкихъ историческихъ изысканіяхъ.

Хорошій историческій слогъ, образованный имъ по сильной краткости любимца своего Θукидида, тѣмъ болѣе достоинъ удивленія, что Тунманнъ писалъ на языкѣ, который изучилъ со времени своего пребыванія въ Германіи. Въ сочиненіяхъ его можно замѣтить, какого труда стоило ему писать по Нѣмецки, ибо въ различныхъ мѣстахъ, при многихъ словопроизведеніяхъ и словосоставленіяхъ обнаруживалось Шведское происхожденіе Сочинителя. Легкость разсказа есть послѣняя трудность при изученіи иностраннаго языка; сочинитель не иначе можетъ придать оную своему слогу, какъ при полномъ и совершенномъ знакомствѣ со всѣми оборотами языка.

И при всѣхъ трудностяхъ, Тунманнъ такъ много сдѣлалъ въ качествѣ Нѣмецкаго историка-критика! —

Легко заключить, что не безъ необычайнаго прилѣжанія можно было стяжать столь многія заслуги. И сего то прилѣжанія наконецъ сдѣлался Тунманнъ жертвою. Онъ видѣлъ себя принужденнымъ, по причинѣ великихъ трудовъ по своей должности (сначала еще болѣе усугубляемыхъ преподаваніемъ на иностранномъ языкѣ), отказывать себѣ въ ночномъ покоѣ; и безъ со-

мнѣнія сіе было причиною разстройства тѣлесныхъ силъ его. Сюда же присоединилось и то, что труды его сосредоточены были въ одномъ главномъ предметѣ. Сей родъ дѣятельности, проникая далѣе въ одномъ направленіи и распространяя предѣлы науки, будучи самый раздражительный, гораздо преждевременнѣе разрушаетъ тѣлесныя силы; ибо онъ не допускаетъ перемѣны занятій, столь иногда благотворной для нашего здоровья. Это родъ изступленія, хотя впрочемъ изступленія добродѣтели, для коего способны однѣ избранныя души.

Вскорѣ оказались вредныя слѣдствія его неутомимости. Нѣкоторыя болѣзненныя ощущенія въ груди были печальнымъ предвѣстіемъ продолжительной чахотки, наконецъ похитившей его у друзей и всего ученаго свѣта.

Такимъ образомъ Тунманнъ заключилъ свое ученое поприще; такъ много историческая критика и историческое искусство потеряли въ семъ великомъ человѣкѣ, жившемъ только тридцать два года.

Но чего не потеряло юношество, пользовавшееся его уроками! Чего не потеряли друзья его!

Слушатели его имѣли въ немъ наставника, коего ученость была предметомъ ихъ

удивленія, а ревность быть имъ полезнымъ предметомъ совершенной благодарности. Привлекательная приятность его нрава, укра-шавшая строгую, непогрѣшительную правоту Тунманна, привязала сердца ихъ къ добродѣтели, столь въ немъ любезной.

Друзья его лишились въ немъ любезнѣйшаго, приятнѣйшаго собесѣдника, твердаго, ревностнѣйшаго и вѣрнѣйшаго друга; всѣ, бывшіе съ нимъ въ сношеніяхъ, общежительнѣйшаго человѣка. Если, въ первыя времена его пребыванія въ Галле, высокій идеалъ нравоученія, имъ сотворенный, казалось, дѣлалъ его скрытнымъ и недовѣрчивымъ: то должайшій опытъ въ искусствѣ жить придалъ ему послѣднее, труднѣйшее совершенство — не все судить по высокому идеалу.

По принятымъ правиламъ онъ былъ добрый гражданинъ, и какъ къ своему новому отечеству, наградившему его заслуги, питалъ живѣйшую преданность: такъ съ чувствительнѣйшею благодарностію воспоминалъ о своей истинной родинѣ, въ нѣдрѣ и попеченіями которой созрѣлъ для важныхъ своихъ занятій.

Всѣ свойства, отличающія приятное обращеніе, просвѣщеннѣйшій умъ, вѣрное, нелживое сердце, тонкій и благородный вкусъ,

гармонировавшій съ примѣрною сердечною чистотою, и не допускавшій даже въ шуткахъ произнести какую либо двусмысленность, соединенный со нравами тонкаго свѣта, съ предусмотрительнѣйшимъ благоразуміемъ и съ искреннѣйшею откровенностію, дѣлали его для всѣхъ, а особенно для друзей его, безцѣннымъ. Онъ рано предположилъ себѣ правила, коимъ неизмѣнно слѣдовалъ, и между ними занимали первое мѣсто: долгъ благодарности и пожертвованія для дружбы.

Правила сіи сдѣлались для него столь привычными ощущеніями, что онъ каждую нужду друга считалъ долгомъ, требующимъ жертвы. Такъ на рукахъ его испустилъ послѣдній вздохъ одинъ изъ его товарищей, высоко имъ чтимый, послѣ того, какъ Тунманнъ, съ истощеніемъ собственныхъ своихъ силъ, для облегченія болѣзни своего друга чрезъ цѣлую ночь поддерживалъ его голову.

Сіи свойства ума и сердца пріобрѣли ему привязанность, уваженіе, дружбу всѣхъ благородныхъ, ему извѣстныхъ. Ежели славно быть чтиму людьми достопочтенными, то не льзя умолчать, какимъ уваженіемъ удостоивали его Корол. Государственный Министръ, Фрейгерръ ф. Зедлитцъ, Спалдингъ и Бюшингъ, Философъ Сулцеръ, благород-

ный другъ человѣчества, Каммердиректоръ Гофманнъ.

Съ такими чувствами получилъ Сулцеръ извѣстіе о его смерти: „Я съ со-„драганіемъ услышалъ о смерти нашего лю-„безнаго и добродѣтельнаго Тунманна, хотя „уже зналъ, что мало надежды оставалось на „долголѣтнюю его жизнь. Не только Галль-„скій Университетъ, но и ученый свѣтъ „теряетъ въ немъ превосходнаго человѣка."

Прекрасныя природныя свои способности весьма много онъ образовалъ и усовершенствовалъ упражненіемъ и размышленіемъ. Великія свѣденія въ языкахъ и въ Исторіи не обременяли его всеобъемлющей памяти; ихъ разнообразіе не путало его чистаго разума, сухость ихъ не обезсиливала его духа. Живость ощущеній того, что имъ зрѣло обдумано, придавала опытному уму его вящшую силу, а сія послѣдняя сообщала его характеру твердость, добродѣтели — вѣрность, постоянство, а дѣятельность. Та же привычка мыслить и по обдуманнымъ правиламъ судить и дѣйствовать, сопровождавшая его въ ученыхъ занятіяхъ, была руководительницею его обращенія въ общественной жизни.

Его благочестіе не походило на то, которое, по выраженію Плутарха, содрагается предъ каждымъ кумиромъ. Это было благочестіе мужа, соединявшаго съ твердою вѣрою въ милосердаго Бога свидѣтельство чистой совѣсти въ своихъ поступкахъ.

Никогда не видалъ я его произносящимъ имя Бога иначе, какъ съ полнымъ благоговѣніемъ и важнымъ размышленіемъ. Въ особенности питалъ онъ глубокое чувство къ благости Божіей. — Часто, въ послѣднюю болѣзнь, бесѣдовалъ онъ съ нами о судьбѣ своей жизни. Тогда обыкновенно устремлялъ взоры и руки къ небу, восхвалялъ онъ великую Божію любовь, его смиряющую, дабы онъ не забывалъ правъ своихъ. Тогда замѣтилъ онъ, что все имъ претерпѣваемое, доставляетъ ему сладчайшій плодъ справедливости, научаетъ его высокія ожиданія своего пламеннаго духа обуздывать кротостію и смиреніемъ, въ коихъ, по выраженію Спасителя, душа наша находитъ спокойствіе.

Когда утѣшали его мыслію, что душа его по смерти опочіетъ въ лонѣ милосердаго Бога, онъ воздымалъ взоры и руки къ небу, говоря: „Ахъ, такъ! Милосердаго Бога!“ Подобныя чувствованія въ устахъ страждущаго

означають конечно высшую степень истинной Христіанской добродѣтели.

Съ сими то, горѣ обращенными мыслями, слышалъ онъ письмо Бюшинга, которое полумертвые глаза его не могли уже сами читать. „Кажется," писалъ ему сей великій ученый, „что письмо сіе застанетъ васъ на „одрѣ болѣзни, и эта мысль для меня прискорбна. Впрочемъ я думаю, что продолжительная и жестокая болѣзнь ваша обратится во славу Бога и Искупителя Міра. „Мнѣ извѣстно, что Богъ ежедневно подаетъ вамъ нужныя силы въ терпѣніи и „надеждѣ бороться до времени облегченія съ „жестокими недугами. Это есть и моя ежедневная къ Нему молитва. Да утвердитъ васъ „Господь въ сію минуту, и когда вы получите это письмо. Утверждайтесь въ терпѣніи, „въ спокойствіи, въ надеждѣ и благословляйте Господа. Сколь блаженъ будетъ другъ „мой Тунманнъ, ежели Господь, возжелая „его къ себѣ взять, найдетъ его готовымъ „къ отшествію."

И сіе отшествіе воспослѣдовало вскорѣ по полученіи письма. 17го Декабря 1778, въ 9 часовъ, вечера скончался Тунманнъ. Дружеская рука смежила ему очи. Онъ сохранилъ

полное употребленіе всѣхъ душевныхъ силъ до послѣдней минуты жизни.

Вообще Тунманнъ пользовался между людьми всѣмъ возможнымъ уваженіемъ и любовію. Во многихъ его ученикахъ, сопровождавшихъ прахъ его и оросившихъ оный слезами, видѣли несомнѣнное доказательство любви и почтенія. Одинъ изъ его слушателей, Греческій Іеромонахъ, у котораго онъ учился по Русски, самымъ трогательнымъ образомъ заплатилъ ему послѣднюю дань нѣжнѣйшаго почтенія. Въ молчаніи, съ наклоненною головою, положивъ руки на грудь, приблизился онъ съ торжественною восточною важностію ко гробу, заключавшему тѣлесные остатки покойнаго, почтительно поцѣловалъ чело его и безмолвно возвратился. Сколь долженствуютъ радовать усопшаго сіи знаки дружества, ежели здѣсь, за предѣлами гроба, что-либо можетъ его радовать, — быть любиму, было его величайшею потребностію.

Тѣлесное образованіе Тунманна было весьма выгодно. Онъ имѣлъ болѣе, нежели средній ростъ и необыкновенную тѣлесную крѣпость. Физіогномія его отличалась сильнымъ выраженіемъ; важность чела его умилялась пріятными устами и глазами. Онъ

былъ великій любитель веселой бесѣды, которая иногда смѣняла важныя занятія, и тогда, въ сердечной радости, предавался онъ тѣлеснымъ упражненіямъ, весьма сильнымъ даже для его крѣпкаго тѣла.

При всѣхъ сихъ тѣлесныхъ преимуществахъ прожилъ онъ только 32 года и 5 мѣсяцевъ. Онъ встрѣтилъ конецъ свой съ чувствами христіанина, исполненнаго убѣжденія, что посѣянное со слезами, пожнешь съ радостію.

Боже! научи насъ думать о смерти,
дабы намъ быть мудрыми!

---

1) Такъ на пр. изъ *Данте* Эпизодъ Руггіеро и Уголино. Comedia canto 33, различные сонеты Петрарки, Canz. 3 sopra gli occhi di M. Laura и многія прекрасныя мѣста изъ Шакспира.

2) Его изслѣдованія о древней Исторіи нѣкоторыхъ сѣверныхъ народовъ, изданныя Д. Ант. Фр. Бюшингомъ. Берлинъ, 1772. 8. еще не выходили въ свѣтъ, когда онъ назначенъ былъ Профессоромъ.

3) Въ должность свою вступилъ онъ рѣчью: Ab Aug. Prussorum Rege Friderico II et Maximo Domino suo Clementissimo uniunctum Prof. Eloqu. et. Philos. in Acad. Fridericiana Munus aditurus quaedam *de confiniis historicae et poeticae orationis* disputavit simul vero scholarum suarum rationem exposuit *I. T.* Halae d. XXVI. Oct. A. 1772.

4) Здѣсь же кстати упомянуть о прочихъ небольшихъ разсужденіяхъ *Тунманна*:

а) О Исторіи послѣднихъ лѣтъ жизни Сирійскаго Царевича Антіоха Гіеракса, и о его смерти (См. Hall. Anz. 1773. St 48. 49). — О жизни сего несчастнаго искателя приключеній, которую доселѣ описывали, руководствуясь Юстиномъ, знали только до его бѣгства изъ плѣна Птолемея Евергета. Въ семъ бѣгствѣ, какъ говорятъ, былъ онъ умерщвленъ. Но его Исторія простирается далѣе: онъ опять является во Ѳракіи, съ намѣреніемъ добыть себѣ престолъ. Здѣсь на сраженіи онъ дѣлается плѣнникомъ *Центоаратиса*, Галльскаго Князя (Галлы занимали тогда часть Ѳракіи). Сіи извѣстія собралъ Тунманнъ изъ разсѣянныхъ мѣстъ Полибія, Плинія и Эліана.

б) *О сѣверномъ стихотворствѣ* (Hall. Anz. 1775 St. 32. 33). Въ семъ краткомъ разсужденіи старался онъ означить съ большею точностію времесчисленіе стихотворства Скалдовъ. До шестаго столѣтія не встрѣчается *Скандинавскихъ стихотворцевъ*, а до восьмаго нѣтъ *Скалдовъ*, ежели подъ сими послѣдними принимать (какъ въ самомъ дѣлѣ и слѣдуетъ) наемныхъ придворныхъ поэтовъ. Сіе обыкновеніе заимствовано сѣверными героями вѣроятно отъ Бардовъ, съ коими они познакомились во время своихъ морскихъ путешествій къ Ирландскимъ и Шотландскимъ берегамъ. „О *Эдда*" пользовался онъ сочиненіями *Ире* и *Шлецеромъ*.

в) *Объ открытіи Америки* (Hall. Anz. 1776 St. 51). Путешествія сѣверныхъ искателей приключеній въ такъ называемую страну *Винландъ*, прежде извѣстныя изъ *Адама Бременскаго*, здѣсь подробнѣе описаны изъ *Снорро Стурлесзона.* По мнѣнію *Тунманна*, сіи мореплаватели были на берегахъ *Каролины.* Странствія сіи, въ послѣдствіи опять забытыя, не похищаютъ у Коломба славы перваго открытія Америки, и вмѣстѣ съ ф. *Павъ* не нужно принимать, что Америка, по причинѣ льдовъ и жестокаго холода при берегахъ, куда приставали сѣверные мореплаватели, не могла быть извѣстна только во внутреннихъ частяхъ своихъ. (См. Encycl. Art. Amerique T. Ed. 1778.)

г) Извѣстія о жизни Тайн. Сов. Іо. Андрея ф. Сегнера (Hall. Anz. 1777 St. 45).

5. См. Hall. neue gel. Zeit. St. 92. S. 731.

6. См. его Untersuch. über die Gesch. der östl. Europ. Völker. 1 Часть. Лейпцигъ 1774. 8. Онъ вычеркнулъ сіе мѣсто въ экземплярѣ, подаренномъ Несселту.

7) Опыты трудовъ его для *Влахскаго* и *Албанскаго* языковъ находятся въ его изслѣдованіяхъ объ Исторіи восточныхъ Европейскихъ народовъ стр. 182 — 239. О *Черкасскомъ* велъ онъ переписку съ *Гилденстедтомъ*, который, по его ревности къ наукамъ, присылалъ ему собранія *Черкасскихъ словъ.* Изъ сего собранія заключалъ онъ, что Черкасскій языкъ носитъ на себѣ отпечатокъ языка горныхъ народовъ, и что слѣдователъно *Феррандъ* (Recueil de voyages au Nord. T. X стр. 447) заблуждался, говоря о

немъ, что онъ „*d'une assèz grande douceur*;" что правильнѣе описаніе *Георга Интеріано* (Della vita dei Zychi, chiamati i Cercassi въ рѣдкомъ собраніи извѣстнаго *Ramusio* delle Navigatione e viaggi), сказавшаго, что языкъ Черкасскій molto frà la gola.

8) Вотъ нѣкоторые изъ примѣровъ, подтверждающихъ сіе примѣчаніе. Различные звуки, коими *Шведскій* крестьянинъ кличетъ разныхъ животныхъ, весьма сходны съ обыкновенными Финскими названіями сихъ животныхъ. Первый кличетъ овцу словомъ tacka-tacka; свинью словомъ sick-sick; кошку словомъ kiss-kiss, и taco называется по Финнски овца, sica свинья, kissa кошка и т. д. Poicka и Pilt у Шведовъ суть *ругательныя названія мальчикамъ*, а у Финновъ обыкновенныя ихъ названія. Примѣровъ перваго рода представлялъ онъ до 17, а послѣднихъ гораздо болѣе. Сіе примѣчаніе заслуживаетъ примѣненія къ Вендскому и Нѣмецкому языкамъ, также и къ Славянскому.

АТЕНЕЙ.

№ 17.

НАУКИ.

О необходимости системы воспитанія, приличной юношеству достаточнаго состоянія.

(Сочиненіе Бонстеттена) (1).

Воспитаніе младенчества есть только часть великаго искусства воспитанія. Пока человѣкъ подверженъ дѣйствію внѣшнихъ предметовъ и власти обстоятельствъ, можно себя спрашивать: какіе законы сей власти внѣшнихъ предметовъ, не только на одинъ какой либо возрастъ, но на всѣ возрасты? Искусство садовника не въ томъ состоитъ единственно, чтобы сѣять, но и во всѣ періоды развитія сохранять растенія, его заботамъ ввѣренныя.

(1) Бонстеттенъ написалъ сіе сочиненіе по уничтоженіи Аристократіи въ Италіи и Бернѣ. Молодые дворяне терялись въ праздности и уныніи, когда надлежало укоренять душевное благородство, потерявъ благородство рожденія. Женева, съ паденіемъ Аристократіи, богатствъ, уразумѣла, что потерю сію надобно вознаградить воспитаніемъ.

Надлежало бы увеличить науку воспитанія и распространить на всѣ возрасты искусство образованія самихъ себя; надлежало бы помнить, что если младенчество имѣетъ свои законы, то юношество, равно какъ возрастъ мужества и старость, имѣютъ имъ только собственные. Тогда наука развитія человѣка (останавливающаяся теперь на первомъ возрастѣ) также распространилась бы на цѣлую жизнь.

Обыкновенные люди много власти приписываютъ обстоятельствамъ. Жизнь есть отношеніе не только предметовъ къ намъ, но и насъ самихъ къ предметамъ. Весьма легко забываютъ, что судьба наша есть слѣдствіе двухъ силъ; что она состоитъ изъ дѣйствія внѣшней природы на нашу волю и, еще болѣе, изъ обратнаго дѣйствія воли на все насъ окружающее; слѣдоват. всякій человѣкъ, болѣе или менѣе, устроиваетъ судьбу свою (2).

---

(2) Это мнѣніе принадлежитъ многимъ великимъ мужамъ древности. Саллюстій, разсуждая о превратности судьбы человѣческой, обыкновенныхъ людей считалъ во власти обстоятельствъ, но геніевъ, кои родятся вѣками, признавалъ властителями собственнаго счастія. — Res docuit id verum esse, quod in carminibus Appius ait, *Fabrum esse suae quemque fortunae* atque in te (говорится къ Юлію Цезарю) maxime. А. З.

Всякій можетъ повторить слова Гораціева художника, съ коими обращался онъ къ сухому деревянному пню, предъ нимъ находившемуся: что мнѣ изъ тебя сдѣлать пень, теперь безполезный? Божество или стулъ. Maluit esse Deum.

У всѣхъ народовъ есть воспитаніе младенчества; ибо оно необходимо для сего возраста; между тѣмъ, какъ для другихъ возрастовъ, оно есть слѣдствіе просвѣщенія. Питать дѣтей своихъ и о нихъ заботиться, есть законъ природы, рожденный пріятною необходимостію вспомоществовать и руководствовать младенчество. Равно существуетъ законъ сей для дикаго и для просвѣщеннаго человѣка, и равнымъ образомъ для животнаго. Птица научаетъ птенцовъ своихъ летать, кормиться и пѣть; научаетъ тому, что для нихъ вредно или полезно. Но сіе первое воспитаніе природы гораздо пространнѣе у человѣка, нежели у животнаго, ибо оно равно свойственно его духу и тѣлу. Мягкость органовъ дѣлаетъ младенца послушнымъ примѣру; и у всѣхъ народовъ на земномъ шарѣ характеръ и нравы родителей кладутъ печать на все ихъ поколѣніе.

Воспитаніе младенчества естественно; оно есть слѣдствіе слабости младенческой. Не

таково воспитаніе юношества; ибо возрастъ сей не только не безсиленъ; но преимущественно почитается періодомъ крѣпости и преувеличеннаго мнѣнія о собственныхъ силахъ.

Между тѣмъ, при нѣкоторомъ размышленіи, можно видѣть, что существуютъ естественные законы и для юношества, коихъ искать надобно внѣ семейства.

Наставленіе родителей и учителей есть все для дѣтства; наученіе отъ предметовъ, а наиболѣе отъ мнѣнія современниковъ и, какъ говорятъ, общаго мнѣнія — составляетъ все для юноши. Дѣятельность дитяти велика и безпрерывна, но всегда разсѣянна, неопредѣленна и несосредоточенна; между тѣмъ какъ неровная дѣятельность юноши, часто по видимому прерывается и кажется ничтожною въ то время, какъ сила раждающихся страстей не только не уступаетъ власти, но старается торжествовать надъ всякимъ сопротивленіемъ.

Въ домашнемъ воспитаніи учители или родители имѣютъ всѣ средства предписать дѣтямъ правила; такой выгоды не существуетъ для юноши, находящагося безъ правилъ, именно въ то время, когда онѣ всего болѣе нужны. Управленіе ума, подобно здоровью, имѣетъ

свои законы, цѣль коихъ — сосредоточить вниманіе. Для того упражненіе ума нужно привести въ гармонію съ тѣмъ, что его утомляетъ, какъ надлежащее вещественное управленіе приводитъ въ соотвѣтствіе нужду въ движеніи съ потребностію покоя.

Единственное средство наученія, остающееся юношамъ, суть учители; но въ небольшихъ городахъ хорошихъ наставниковъ или совсѣмъ нѣтъ, или они очень рѣдки. Притомъ въ малыхъ городахъ болѣе, нежели въ великихъ, господствуетъ между богатыми смертельная праздность, подобно тлетворному дуновенію заражающая вмѣстѣ таланты и добродѣтели, и угрожающая разрушеніемъ имущества и самыя тщила, предметъ соревнованія.

Переворотъ, претерпѣнный почти всѣми имуществами, произвелъ въ семействахъ переворотъ привычекъ. Родители не могутъ болѣе предназначить дѣтямъ своимъ свое поприще, вопреки древней системѣ, когда продолжительныя привычки все соединили и утвердили, не оставляя ни малѣйшей пустоты. По древней системѣ можно было читать будущее въ прошедшемъ, и всякой могъ предсказывать: я буду тѣмъ, чѣмъ былъ

отецъ мой. Но для насъ грядущее есть радуга, гдѣ ничего не найдемъ бывалаго, страна неприступная для всего, идущаго по привычкѣ.

Съ перваго приступа, кажется, нѣтъ ничего легче, какъ перемѣнить путь и слѣдовать стезею новыхъ надеждъ; но это несправедливо. Съ разстройствомъ какой нибудь фабрики, распускается тысяча работниковъ, кои умираютъ съ голоду, или, по крайней мѣрѣ, томятся въ нищетѣ, пока успѣютъ въ новыхъ промыслахъ.

Мы обыкновенно думаемъ, что событія, связь которыхъ наблюдаемъ, произведены были дѣйствительно разсужденіемъ; между тѣмъ страсти, а не разсудокъ, прокладываютъ путь, и привычки утверждаютъ оный. Если бы людямъ надлежало идти по направленію своихъ идей, а не по побужденію привычекъ; тогда произошли бы безпорядокъ и смятеніе; если же есть теперь какое либо общее направленіе — оно зависитъ не отъ правилъ, но отъ примѣровъ, заставляющихъ людей идти согласно.

Три вещи суть движители великихъ обществъ: страсти, привычки руководимыя примѣромъ и наконецъ разсудокъ, или, лучше, разсужденіе. Пока увлекаютъ страсти или

привычки, разсужденіе не предводитъ, но слѣдуетъ за своими властителями. Страсти свои и привычки для того только обдумываютъ, дабы лучше имъ предаться. Мнѣніемъ общимъ назовутъ общепринятыя причины оправданія повсемѣстныхъ привычекъ, мудростію — покорность ихъ законамъ. Но когда умолкаютъ страсти, когда останавливаются привычки, насъ увлекавшія, тогда только разсужденіе дѣлается нашимъ вождемъ.

Преимущественно въ семъ послѣднемъ состояніи находится теперь богатый классъ людей почти во всей Европѣ. Богатыя фамиліи совращены съ пути своихъ привычекъ, повсюду осуждены онѣ обратить на себя вниманіе и ожидать, покуда составятся новыя привычки и откроется проложенная дорога. Изъ сего состоянія бездѣйствія слѣдуетъ, что богатые люди, щастливѣйшіе по наружности, суть самые жалкіе, отъ праздной юности. Совращенные со стези своихъ привычекъ и требованій, не внемля урокамъ необходимости, лишенные свѣтильника опыта, часто вводимые въ заблужденіе воспоминаніями, люди сіи теперь устраненные и какъ бы лишенные общаго питанія, скоро увянутъ, подобно вѣтвямъ, лишеннымъ растительнаго сока. Первое несчастіе праздности суть привычки,

кои въ свою очередь питаютъ праздность. Умноженіе бездѣйствія можно бы вычислить умноженіемъ кофейныхъ домовъ, а въ малыхъ городахъ опредѣлить силу празднолюбія числомъ и обширностію общественныхъ собраній; можно бы въ каждомъ городѣ замѣтить умноженіе времени, въ которое неспособность къ занятію ведетъ людей въ больницы, и тамъ неизлѣчимыя головы по крайней мѣрѣ имѣютъ удовольствіе скучать въ товариществѣ.

Часто ложно думаютъ о пользѣ наукъ. Науки не для того только служатъ, чтобы узнать ту или другую вещь. Поддерживая привычку мыслить, онѣ предупреждаютъ изнеможеніе мысли.

Воспитаніе женщинъ научаетъ ихъ посвящать свою дѣятельность предметамъ, ихъ окружающимъ; онѣ лучше мущинъ умѣютъ заниматься въ своемъ домашнемъ быту, лучше принимаютъ участіе въ своемъ семействѣ и не выходятъ изъ своей сферы. Отъ того усыпленіе ихъ способностей не можетъ быть столь совершенно, какъ у *бездѣльныхъ* мущинъ. Скажу болѣе: ихъ дѣятельные органы менѣе подвержены искусственному безсилію, раждающемуся отъ бездѣйствія и умерщвленія мысли.

Когда празднолюбцамъ говорятъ о наукѣ, они возражаютъ, что не всѣ сотворены быть учеными. Но ихъ еще не убѣждаютъ къ учености, имъ предлагаютъ упражненіе ума и душевное здравіе, невозможное безъ какого либо произвольнаго движенія. Ихъ не увѣщеваютъ: сдѣлайтесь учеными; но, во избѣжаніе слабоумія, предлагаютъ умственныя упражненія. Не говорятъ имъ: будьте Нютоны, но будьте сколько можно менѣе безумны, тупы, неспособны служить самимъ себѣ, вашимъ семействамъ и обществу.

Всего несправедливѣе думать, что умъ всегда въ состояніи покоя.

„Душа есть огнь, требующій питанія, „который угасаетъ, ежели не умножается.“

Мысль не болѣе осуждена на бездѣйствіе, какъ и жизнь; и дерево, не пускающее новыхъ вѣтвей, скоро начинаетъ засыхать съ вершины. Трудъ и правила сообщаютъ силу и пареніе нашимъ способностямъ. Оставьте трудъ, не наблюдайте порядка въ вашихъ занятіяхъ, на нѣсколько времени еще будутъ у васъ нѣкоторыя несвязныя мысли; подобно дереву, оставленному садовникомъ, вы произрастите нѣсколько слабыхъ отпрысковъ, но скоро изсякнетъ питательный сокъ и все вдругъ увянетъ.

Умъ и органы начинаютъ развиваться согласно; но кажется, что на длинномъ пути жизни иногда они разлучаются. Часто душа угасаетъ прежде органовъ и живетъ съ однимъ стыдомъ, попустивъ свое умерщвленіе. Напротивъ у человѣка, никогда не покидавшаго великую борьбу жизни, она переживаетъ старость, и иногда покидаетъ свое жилище полная силъ и блестящая красотою.

Справедливо различаютъ человѣка, занимающагося наукою, отъ человѣка, образующаго свой умъ. Ученый въ счастливомъ самозабвеніи думаетъ только объ одной наукѣ, которую онъ распространяетъ и развиваетъ; весь онъ живетъ внѣ себя. Напротивъ, человѣкъ образованный употребляетъ науки средствомъ къ собственному усовершенствованію и счастію чрезъ непрерывную привычку къ размышленію. У перваго наука — цѣль; у другаго — средство. Ученый есть художникъ, избирающій предметъ; это ваятель, производящій изъ мрамора божество или героя. Напротивъ, человѣкъ образованный, самъ себя принимая предметомъ, старается украсить свою душу и пріобрѣсть качества, къ коимъ онъ способенъ. Въ семъ отношеніи разумѣется, что дѣло таланта или совер-

шеннаго досуга распространить предѣлы человѣческихъ свѣденій и кругъ мыслей; но какъ назвать того человѣка, который не захотѣлъ бы украсить жизнь свою, возвысить душу, и съ каждымъ днемъ совершенствоваться, умножая средства счастія и общее къ себѣ уваженіе. Все это не можетъ произойти безъ рѣшительной воли, безъ нѣкоего усилія надъ своею лѣностію и надъ симъ неопредѣленнымъ влеченіемъ жизни, признакомъ празднолюбія.

Хотите ли образовать умъ? Старайтесь узнать свои дарованія, а для того испытайте направленіе дѣятельности ума своего; припомните, что отчаяваться въ средствахъ — не доказательство скромности, но ковы лѣности; поставьте себѣ цѣлью, не превзойти другихъ, но превзойти самихъ себя. Сія уединенная борьба съ собою стóитъ побѣды надъ другими.

Она дѣйствительно возвеличиваетъ и дѣлаетъ насъ лучшими тогда, какъ въ соперничествѣ съ другими пріобрѣтаютъ однѣ поддѣльныя качества. Въ первомъ случаѣ, побѣда и награда всегда вѣрны, между тѣмъ какъ въ другомъ, при самыхъ успѣхахъ, умножаются враги, а иногда и собственное униженіе; одна дѣлаетъ насъ лучшими, другая тщеславными; одна возвышаетъ насъ дѣйст-

вительно, другая ставитъ на позорище мнѣній, всегда непрочныхъ.

Люди съ должностными занятіями заключены въ сферѣ идей, перемѣняющейся отъ собственнаго круговращенія. Отъ того раждаются мысли или привычки, кои наконецъ согласуются съ нашимъ господствующимъ образомъ жизни; отсюда жизнь принимаетъ сію общность и сіе единство, безъ коихъ невозможны правила поведенія и надежды на счастіе.

Всего этаго чуждъ незанятый человѣкъ. Лишенный внѣшняго побужденія, онъ повинуется однимъ произвольнымъ. Если не умѣетъ онъ составить для себя положительный родъ жизни и положительный планъ мыслей, всю жизнь свою будетъ онъ блуждать безъ цѣли и безъ правилъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ поставитъ онъ себѣ законы, еще не зная цѣли своихъ дѣйствій; если ни что не твердо, если все безъ связи на его кораблѣ, куда помѣстить кормило?

Важный недостатокъ въ воспитаніи богатыхъ зависитъ отъ незнанія способностей нашего существа. Думаютъ, что всѣ способности дитяти упражняются, если занимаютъ (3) его память и, какъ говорятъ,

(3) Иногда ложно думаютъ объ употребленіи памяти. Забываютъ, что въ изученіи языковъ память словъ

сколько можно лучше образуютъ сердце и душу. Но въ семъ исчисленіи человѣческихъ способностей забыта важнѣйшая — *воля.*

Безъ сомнѣнія всѣ способности существа нашего тѣсно соединены между собою, и всѣ могутъ отдѣльно сохраняться и быть особенною цѣлію нашихъ усилій. Различеніе нашихъ способностей есть самое необходимое изъ всѣхъ психологическихъ свѣденій.

Воля, подобно памяти, имѣетъ свои законы; разумъ, воображеніе также. Волю укрѣпляетъ упражненіе; ее убиваетъ бездѣйствіе и недостаточное сопротивленіе; болѣе или менѣе соединяется она съ нашими рѣшеніями и идеями. Хотя она имѣетъ собственный ходъ, но ее отвращаютъ, опять

не значительна. Въ глазахъ полу-ученаго или невѣжды вездѣ есть синонимы между языками, и ничего нѣтъ легче какъ переводить. Но разсуждая, что малѣйшая часть предметовъ и словъ Греческихъ и Латинскихъ суть синонимы предметовъ и словъ въ новыхъ языкахъ, становится вразумительною вся невозможность вѣрнаго ученическаго перевода. Дурная Латинь, которую преподаютъ дѣтямъ, приучаетъ ихъ довольствоваться неопредѣленнымъ и не вѣрнымъ смысломъ: это все то же, что учить ихъ шарадамъ. Представя себѣ время, отнимаемое на сіи шарады у существенныхъ предметовъ, не льзя не подавиться мѣлочамъ шестнадцатаго столѣтія, хранящимся иногда въ нѣдрѣ просвѣщенія. *Соч.*

привлекаютъ, разсѣеваютъ или сосредоточиваютъ средствами изъ ея собственной природы.

Упражняютъ память; но никогда не слыхалъ я, чтобы въ какой-либо системѣ воспитанія старались упражнять волю; а между тѣмъ воля имѣетъ, такъ сказать, вещественныя правила, подобно памяти и, можетъ быть, вѣрнѣйшія въ сравненіи съ другими нашими способностями.

Дѣлать или не дѣлать; дѣйствовать или противиться, въ этомъ состоитъ все нравоученіе. Оно утверждается болѣе способностію хотѣть, нежели познавать, и весьма часто мы преступаемъ по недостатку воли; нежели по незнанію, что хорошо.

Кто усиливался побѣдить привычку или укротить какое либо чувство, тотъ могъ замѣтить и неудачные опыты усилій, и вмѣстѣ какое-то средство къ своей цѣли. Великая побѣда надъ собою чудесно умножаетъ силу воли; но сія способность, составляющая достоинство человѣка, ни чѣмъ такъ не унижается, какъ перемѣною принятаго рѣшенія.

Упражненіе воли основывается нѣкоторымъ образомъ на отношеніяхъ чувствительности съ нервною системою. Можно упра-

жняться въ хотѣніи: можно учиться, принуждать свою волю болѣе или менѣе, и сія, почти механическая часть воли, подвергнута началу подражанія; при воспитаніи можно сдѣлать большое злоупотребленіе въ упражненіи воли, не соображая усилія съ важностію предполагаемой цѣли.

Великій учитель въ упражненіи воли — препятствія къ цѣли. Вотъ почему хороша школа несчастія, принуждающая насъ къ дѣйствію; ибо несчатія научаютъ насъ побѣждать препятствія и образовать великую волю. Напротивъ счастіе, наиболѣе чувство могущества свыше своихъ усилій, удаляя препятствія, убиваетъ волю. Наблюдая воспитаніе высшихъ гражданскихъ сословій, кажется удивительнымъ, что постепенно приближаясь къ могуществу и независимому состоянію, болѣе и болѣе находишь ослабленіе *воли*. Не видали ли мы, въ концѣ прошедшаго столѣтія, просвѣщеннаго Государя, столь бѣднаго волею, что его семейство, царство и онъ самъ погибли отъ того только, что не научился онъ сказать: я не хочу.

Возвращаюсь къ своему предмету. Если бы въ дѣтствѣ упражняли волю согласно съ

обдуманною цѣлію, то празднолюбіе совсѣмъ бы истребилось.

О томъ, что называютъ вообще своей судьбою, многіе имѣютъ ложныя понятія. Въ жизни случаются событія, кои издали неразлучны съ нашимъ счастіемъ, и кои вблизи, чрезъ короткое время, оставляютъ насъ въ прежнемъ положеніи. Значительное богатство, наслѣдство, отличное титло, представляютъ великія эпохи въ жизни; за сими тріумфальными вратами видимъ мы прекрасную будущность; но едва ихъ проходимъ, какъ съ удивленіемъ чувствуемъ, что мы все тѣже, что *мы* и всё *мы* ихъ проходимъ.

Не то бываетъ при внутреннихъ перемѣнахъ, производимыхъ нашею собственною волею. Всякій планъ жизни, твердо принятый и строго сохраняемый, производитъ бо́льшія перемѣны въ нашей судьбѣ, нежели внѣшніе предметы, и еслибы могли мы видѣть внутреннюю свою жизнь, какъ видимъ ея призраки — мы болѣе стали бы дивиться дѣйствіямъ нашей воли, нежели счастія.

Спросятъ меня: чему долженъ учиться человѣкъ, живущій на пр. безъ должности въ деревнѣ или въ небольшомъ городѣ?

Посмотрите на его *необходимыя* занятія и увидите, что — хорошо дѣлать то, что можно дѣлать какъ нибудь — составляетъ важнѣйшее свѣдѣніе.

Часто мало бываетъ отношенія между тѣмъ, чему учатъ ребенка и что нужно знать ему въ остальное время жизни.

Хорошо учить по Латинѣ; но дурно учить тѣхъ, которые никогда не возпользуются сими уроками. То же можно сказать о музыкѣ, не доставляющей никакого удовольствія тому, кто остается при первыхъ началахъ. Сіи и другія подобныя вещи почитаю я безполезными во всѣхъ случаяхъ, когда можно предвидѣть, что изъ нихъ не льзя сдѣлать истиннаго употребленія.

Конечно всѣмъ надобно выражаться отечественнымъ языкомъ: основательное познаніе языка сего есть самое необходимое свѣдѣніе. Полезно было бы успѣть въ языкахъ Греческомъ и Латинскомъ наровнѣ съ отечественнымъ. Но для наслажденія плодами какого-либо труда не должно оставаться при началахъ; а слѣдовательно нужно другое воспитаніе, въ добавокъ къ тому, которое научаетъ однимъ началамъ.

Продолжая обозрѣніе необходимыхъ занятій человѣка зрѣлаго, ясно увидимъ, что всякому суждено потерять много времени для сохраненія своего имущества. Ничто не придаетъ столько цѣны деньгамъ, какъ время, приносимое имъ въ жертву. Свѣдѣнія, непосредственно нужныя къ защищенію своего состоянія, суть необходимѣйшія.

При всемъ равнодушіи къ богатству, всегда выгодно дѣлать хорошо, что дѣлаешь, хотя бы изъ того только, что обыкновенно съ удовольствіемъ дѣлаютъ то, что дѣлаютъ хорошо, и съ отвращеніемъ, что дѣлаютъ худо. Надобно ли воздѣлывать землю: что полезнѣе сего кроткаго занятія первымъ искусствомъ, столь пріятно соединяющимъ насъ съ природою. Полюби сіе искусство, и всѣ твои упражненія получатъ для тебя какую-то прелесть; пріобрѣтенныя свѣдѣнія украсятъ путь вашей жизни; между тѣмъ какъ равнодушіе къ необходимымъ занятіямъ внушаетъ отвращеніе къ трудамъ и потомъ къ самой жизни. Отецъ ли ты семейства? Воспитаніе есть искусство, сдѣлавшее такіе успѣхи, что непозволительно не знать его. Если ты чуждъ сего искусства, то мало по малу теряешь уваженіе въ собственномъ семействѣ. Принужденный относиться

къ другимъ съ тѣмъ, что до тебя касается, какого желаешь ты къ себѣ почтенія?

Доселѣ не предполагалъ я никакого дарованія. Вѣроятно, что у каждаго человѣвѣка свое; но какъ здѣсь разумѣются довольно возвышенныя и потому замѣчательныя — то допустить можно, что великія дарованія рѣдки.

Истинный талантъ обнаруживается рѣшительною потребностію какого либо особливаго занятія; лучшій совѣтъ для такихъ счастливцевъ — предаться небесному дару, столь рѣдкому и отличному.

Бѣдность менѣе опасна для талантовъ, нежели богатство. Бѣдность стремится сосредоточить жизнь, богатство — разсѣять.

Одинъ совѣтъ человѣку съ геніемъ — предаться оному, и для того сосредоточить жизнь свою въ горнилѣ таланта. Въ развитіи своего дара, а не въ другихъ предметахъ, надлежитъ ему искать свое богатство, славу, счастіе и все достойное честолюбія существа отличнаго.

Всего рѣже найти родителей, чувствующихъ достоинство таланта. Предложите большей части изъ нихъ дать дѣтямъ воспитаніе, имѣющее предметомъ одно дарованіе — васъ не поймутъ.

Здѣсь надлежитъ различать науки отъ изящныхъ искусствъ.

Нѣтъ для меня прекраснѣе состоянія независимаго человѣка, посвящающаго наукѣ всѣ богатства досуга. Богатство разливаетъ блескъ на науку, а наука отражаетъ оный на богатство, между тѣмъ какъ досугъ, посвящаемый страстямъ и зависимости отъ людей и предметовъ, есть отреченіе отъ благороднѣйшей и законнѣйшей власти человѣка надъ самимъ собою.

Двѣ вещи придаютъ достоинство жизни, посвященной Изящнымъ Искуствамъ, — великій талантъ и нравы.

Часть Изящныхъ Искусствъ, занимающаяся исполненіемъ, есть механическая, и тогда только искусство принимаетъ свое пареніе и достоинство, когда матерія во власти генія. Какая жизнь завиднѣе жизни Анжелики Кауфманнъ! (4) Какая женщина была ея поч-

(4) Живописица преславна,
Кауфманъ, подруга музъ!
Если въ кисть твою вліянна
Свыше живость, чувство, вкусъ
И списавъ Данаевъ древнихъ
Намъ, богинь и красныхъ женъ,
Пережить въ своихъ безцѣнныхъ
Ты могла картинахъ тлѣнъ:
Напиши мою Милену
Бѣлокурою лицемъ,

теннѣе? Міръ сей оставила она съ полнымъ геніемъ, и, говоря языкомъ поэзіи (соч. Madame Brun), она преклонилась предъ смертію, подобно классу, согбенному подъ бременемъ собственнаго обилія. Послѣднее произведе-

---

Стройну ростомъ, возвышенну,
Съ гордымъ нѣсколько челомъ,
Чтобъ похожа на Минерву
Съ голубыхъ была очей,
И любовну искру перву
Ты зажги въ душѣ у ней,
Чтобъ на всѣхъ взирая хладно,
Полюбила лишь меня, и пр.

Знаменитый Державинъ, любившій задавать художникамъ трудныя, невозможныя работы, вѣроятно зналъ великіе таланты не по одной Европейской извѣстности, но видѣлъ ихъ произведенія и умѣлъ цѣнить оныя. (Здѣсь, говоря объ искусствѣ Анжелики Кауфманнъ въ изображеніи Данаевъ, неразумѣетъ ли онъ ея картину, представляющую узнаннаго Улиссомъ Ахилла, столь знакомую Московскимъ любителямъ изящнаго?) Должно согласиться съ Бонстеттеномъ, что высшее удовольствіе доставляетъ особенный талантъ къ искусствамъ. Но молодому благовоспитанному юношѣ необходимо дать средства наслаждаться зрѣніемъ изящныхъ произведеній и отдавать самому себѣ или другимъ отчетъ въ получаемыхъ впечатлѣніяхъ т. е. ему необходимо знать Естетику и Археологію, дабы не быть чуждымъ сего неисчерпаемаго источника удовольствій. Тотъ оказалъ великую заслугу для молодыхъ людей, кто раскрылъ имъ необходимость сихъ свѣдѣній и преподалъ ихъ въ достаточномъ количествѣ. Иначе изящныя произведенія великихъ геніевъ

ніе уже хладѣющей руки ея дышетъ юностію и убѣждаетъ, что душа безсмертна, при разрушеніи окружающихъ органовъ .... Какой геній заслуживаетъ уваженіе болѣе Кановы? Онъ какъ будто воплощалъ мысли свои. Глубокія мечтанія его суть творенія, постав-

---

достояніе всѣхъ просвѣщенныхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, сдѣлались бы собственностію немногихъ любимцевъ природы и счастія. Обращаюсь къ великой живописицѣ; жизнь ея подвержена была нѣкоторымъ превратностямъ и неудачамъ. Желательно бы собрать болѣе подробностей, какъ она ихъ переносила. Рожденная 1741 отъ живописца, въ дѣтствѣ своемъ она получила первые уроки своего искусства отъ самаго родителя. Скоро превзошла наставника, и 13 лѣтъ отправилась въ Италію, гдѣ жила попеременно въ Миланѣ, Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ до 1769, и оказала блистательные успѣхи. Оттуда отправилась она въ Лондонъ, имѣла счастіе писать портреты Королевской фамиліи, и признана Членомъ Королевской Академіи. Здѣсь одинъ Англійскій художникъ тщетно искалъ руки ея. Получивши отказъ, онъ рѣшился на мщеніе. Выбранный изъ самаго низкаго состоянія красивый молодой человѣкъ былъ введенъ въ домъ Анжелики, и получилъ ея руку. Отверженный прежде женихъ открылъ ея заблужденіе и обманы. По смерти уже сего мужа, который жилъ съ нею въ разводѣ, но получалъ пансіонъ отъ жены своей, вышла она за Венеціянскаго живописца Зика и жила счастливо до самой смерти (15 Ноя. 1807) среди друзей своихъ и любителей искусства, оплакавшихъ ея кончину. Бюстъ Анжелики Кауфманнъ поставленъ въ Пантеонѣ. А. З.

ленныя между вещественнымъ и духовнымъ міромъ, и какъ бы назначены соединить ихъ между собою могуществомъ красоты....

Музыка для великаго артиста доставляетъ также высокія думы, способныя содѣйствовать къ развитію бытія нашего.

Чувство прекраснаго соединяетъ у народовъ ощущеніе съ мыслію. Если въ иныхъ случаяхъ Изящныя Искусства дѣлаютъ человѣка чувственнымъ, спрашиваю, что бы сіи самые люди были безъ Искусствъ Изящныхъ? Не у варварскихъ ли народовъ преимущественно должно искать людей чувственныхъ, и съ величайщею грубостію преданныхъ пороку?

Что можетъ быть трогательнѣе зрѣлища юныхъ Римскихъ художниковъ, въ самой бѣдности счастливыхъ чувствомъ прекраснаго, какъ бы довольнымъ для ихъ бытія. Они всегда заняты въ своихъ мастерскихъ; тамъ застаетъ ихъ день, нисходящій съ небесъ озарять образцы, занимающіе всѣ ихъ мысли. Они не знаютъ ежедневныхъ мірскихъ приключеній; они принадлежатъ поэзіи, древности и небу, ихъ освѣщающему. Мѣсто дѣятельнаго размышленія покидаютъ они за тѣмъ, чтобы бесѣдовать съ другими жрецами прекраснаго, или чтобы еще разъ узрѣть тысячекратно

видѣнныя изящныя произведенія, украшающія святый, безмолвный градъ, посвященный воспоминаніямъ.

Въ Римѣ нѣтъ модныхъ собраній, и никакое модное мнѣніе не властвуетъ надъ вкусомъ художниковъ и не отвлекаетъ ихъ отъ безсмертныхъ идеаловъ, ими созерцаемыхъ.

Человѣкъ, по своему состоянію обеспеченный въ независимости, часто не знаетъ цѣны богатствамъ своимъ и, что всего важнѣе, не предается своему таланту. Для того надобно сосредоточить жизнь свою и истребить неопредѣленное движеніе, влекущее насъ къ разсѣянію (5).

Независимость, проистекающая отъ богатства, придала бы великій блескъ Изящнымъ Искусствамъ, избавляя ихъ отъ вліянія и дурнаго вкуса покупателей, весьма часто унижающихъ таланты. Съ другой стороны геній придалъ бы истинную независимость богатому человѣку, утверждая его вкусъ и опредѣляя употребленіе времени, остановляя неопре-

---

(4) въ Римѣ зналъ я одного Американца, независимаго по своему состоянію, который, будучи преданъ своему таланту, жилъ уединенно въ неутомимыхъ занятіяхъ своимъ искусствомъ, какъ будто оно составляло его пропитаніе. Мнѣ не встрѣчалось видѣть Европейца съ подобнымъ расположеніемъ.

дѣленное движеніе ума и сердца, которое, содѣлывая его рабомъ ложныхъ нуждъ, водворяетъ бѣдность въ нѣдро богатствъ, какъ бы предохранившихъ насъ отъ оной. Существенныя нужды, отъ коихъ избавляетъ насъ золото, поселяются наконецъ въ сердцѣ богатаго въ видѣ воображаемыхъ, и даютъ чувствовать грустную бѣдность тщеславія, тысячу разъ хуждшую нуждъ существенныхъ.

Въ насъ самихъ есть соотвѣтствіе и тѣсное соотношеніе, по которымъ наше настоящее положеніе всегда есть вѣрное слѣдствіе предыдущаго.

Великое искусство жизни предполагаетъ, что минутная мысль и чувство не безполезны для будущаго, такъ что каждое мгновеніе бытія есть точка развитія для грядущаго времени.

Безъ сомнѣнія въ порядкѣ нашихъ мыслей заключается ихъ развитіе. Всѣ наши идеи имѣютъ такое взаимное другъ на друга дѣйствіе и вліяніе, что вчерашняя мысль можетъ быть вредна или полезна для сего дня. Послѣдняя идея Ньютона, открывшая ему систему міра, была плодъ не того часа, въ которой она представилась уму его, но прошедшей его жизни и жизни людей, предшествовав-

шихъ ему на семъ поприщѣ. Сія плодотворная мысль, подобная растительному соку, тогда только питательна, когда есть организація въ цѣломъ, его направляющая. Душа нашихъ свѣдѣній, успѣхи ума заключаются въ порядкѣ мыслей и дѣйствій, а всего болѣе въ единствѣ цѣли, предпологаемой порядкомъ.

Сія постепенность и развитіе, очевидныя въ системѣ нашихъ идей, не менѣе обнаруживаются въ системѣ нашихъ *чувствованій*. Каждый человѣкъ въ данную минуту имѣетъ нѣчто господствующее въ системѣ своей чувствительности, рѣшающее гармонію или несогласіе всего, что въ послѣдствіи потрясетъ таинственный органъ нашего счастія или несчастія.

Красота духовной гармоніи существа нашего, подобная красотѣ музыкальной, предполагаетъ высшее единство, рѣшающее всѣ дѣйствія гармоніи или несогласія въ нашихъ чувствованіяхъ, какъ ходъ музыкальной пьесы опредѣляетъ то, что нравится или не нравится, прилично или не кстати.

Все, что нравится или не нравится въ каждую данную минуту, опредѣлено настоящимъ звукомъ, и сей послѣдній зависитъ отъ предыдущихъ, а всего болѣе отъ

господствующаго чувства. Такимъ образомъ настоящее наше положеніе есть произведеніе того, чѣмъ мы были; и въ ощущеніяхъ, такъ и въ свѣдѣніяхъ, настоящее есть плодъ и развитіе прошедшаго.

Такимъ образомъ умъ, не умѣющій утвердиться въ единствѣ правилъ, не умѣющій начертать жизнь свою по великимъ видамъ и направить оную по планамъ обширнымъ, никогда не достигнетъ высокой гармоніи сердца и ума, безъ коихъ нѣтъ ни добродѣтели, ни счастія.

Ясно, что ни одна минута жизни не незначительна для послѣдующей, такъ какъ въ музыкѣ ни одинъ звукъ не ничтоженъ въ ходѣ пьесы. Въ музыкѣ, какъ въ чувствительности, всегда господствующее чувство (motif) рѣшаетъ то, что благозвучно или нѣтъ. Сіе господствующее чувство, сіе единство, связуя прошедшее съ настоящимъ и настоящее съ будущимъ, даетъ тѣло (физіономію) цѣлой жизни, въ которой настоящая минута есть предчуствіе будущаго, какъ въ музыкѣ рождающійся звукъ пророчески говоритъ о послѣдующихъ.

И такъ въ развитіи нашихъ свѣдѣній и чувствованій всего пагубнѣе разсѣяніе въ

жизни, уничтоженіе единства, безъ которыхъ никакой успѣхъ не возможенъ.

Въ независимости, произходящей отъ богатствъ, есть начало равнодушія ко всякому нечувственному движенію, пагубному для нравовъ, счастія и любознанія. У бѣднаго или должностнаго человѣка необходимость замѣняетъ правила, поддерживающія единство тогда, какъ богатый, уносимый всякимъ вѣтромъ, дѣлается игралищемъ малѣйшихъ страстей и легчайшихъ мечтаній.

Всѣмъ симъ неудобствамъ богатыхъ, можно пособить вторымъ воспитаніемъ — воспитаніемъ юношества.

А. Зиновьевъ.

П. П. Въ статьѣ о жизни Тунманна, напечатанной въ предыдущемъ N0 сего Журнала вмѣсто Телеологически напечатано Теологически (см. стр. 316).

